

АНДРЕА КАМИЛЛЕРИ

ВОЗРАСТ СОМНЕНИЙ

Перевод И. Боченковой

Москва
Издательский Дом
Мещерякова
2020

• Один •

Ужасная выдалась ночь. Едва он уснул, как над самым ухом будто из пушки выстрелили — грохот такой, что мертвого поднимет. Чертыхаясь, он сел на кровати. Теперь не заснешь, понятное дело, не стоит и пытаться.

Он встал, подошел к окну и выглянул на улицу. Гром гремел почти не переставая, небо затянули свинцовые тучи, а зловещие молнии, как гигантские вздыбленные кони, скакали по небу, потряхивая ослепительной гривой. Штормовые волны захлестывали пляж, вода подобралась к самой веранде. Посмотрел на часы — было только шесть утра.

Он пошел на кухню, поставил кофе и сел в ожидании. Память услужливо прокрутила перед мысленным взором недавний сон. Это началось у него несколько лет назад. Вот уж наказание господне — помнить все, что тебе снится! Счастливики те, кто забывает сны, стоит лишь открыть глаза: ни хороших, ни плохих снов — ничего у них в голове не остается. Чем он хуже? За что такое мучение?! А главное — он видит не просто сны, а нечто

с намеком на реальность, отчего в голове у него постоянно роятся вопросы, ответа на которые он не находит. И все это сильно раздражает и нервирует.

Накануне вечером он лег спать в хорошем расположении духа. Уже неделя, как в комиссариате была тишь да гладь, и он раздумывал, не воспользоваться ли случаем, чтобы сделать Ливии сюрприз, нагрянув к ней в Боккадассе. Выключив свет, он растянулся на кровати и почти сразу уснул. И увидел этот сон...

— Катарелла, съезжу-ка я в Боккадассе, — сказал он, входя в комиссариат.

— И я с вами!

— Нет, ты — нет.

— Почему?

— Потому.

Тут вмешался Фацио:

— Извините, комиссар, но вы тоже не сможете поехать в Боккадассе.

— Почему?

Интересно, куда это он гнет?

— Вы что, забыли?

— Что именно?

— Вы умерли вчера утром. В семь пятнадцать, если быть точным... — И вынул из кармана носовой платок, промокнуть глаза. — Монтальбано Сальво, урожденный...

— Слушай, давай без паспортных данных. Правда, что ли, умер? И как это случилось?

— Инсульт.

— Где?

— Прямо на рабочем месте.

— А подробнее?

— Вы разговаривали по телефону с господином начальником, — уточнил Катарелла.

Значит, этот сукин сын Бонетти-Альдериги довел-таки его до ручки...

— Если хотите, можете взглянуть... — предложил Фацио. — Прощание состоится в вашем кабинете.

На его письменном столе, расчищенном от бумаг, возвышался открытый гроб. Заглянул. На покойника вообще-то не похож, однако в гробу лежал именно он, Монтальбано.

— Ливии уже сообщили?

— Да. — Мими Ауджелло, отвечая, крепко его обнял, не сдерживая рыданий: — Прими мои соболезнования.

— Соболезнуем, — подхватил нестройный хор голосов.

Это были начальник полиции Бонетти-Альде-риги, его секретарь, доктор Паскуано, Якомуцци, Бурджо и два могильщика.

— Сердечно благодарю, — ответил им Монтальбано. — Как я умер? — поинтересовался он у подошедшего доктора.

Паскуано тут же вскипел:

— Он и мертвый действует мне на нервы! Ждите результатов вскрытия.

— Может, хотя бы намекнете?

— По всей вероятности, инсульт, правда... тут кое-что не сходится...

— Ну уж нет! — вмешался начальник полиции. — Комиссар Монтальбано не может расследовать собственное убийство!

— Почему?

— Так не пойдет. Слишком велика личная заинтересованность. И потом, такое не предусмотрено законом. Расследование я поручил новому оперуполномоченному.

Тут Монтальбано пришла в голову одна мысль.

— Ливия когда приедет? — отозвал он в сторону Мими.

— Она сказала, что... — Мими замялся.

— Ну?

Мими разглядывал носки своих ботинок.

— Она еще не определилась.

— В каком смысле?

— Она не уверена, что успеет на похороны.

Взбешенный Монтальбано вышел во двор. Там уже стояло множество венков и катафалк, готовый сопроводить его в последний путь. Он вытащил телефон:

— Алло, Ливия? Это Сальво.

— Привет, ты как? Ах, прости, я забыла...

— С чего это ты не уверена, что успеешь...

— Послушай, Сальво, если бы ты был жив, я бы постаралась оставаться с тобой. Возможно, даже вышла бы за тебя замуж. В конце концов, что еще остается в моем возрасте, учитывая потраченные на тебя годы? Но поскольку мне вдруг представился такой шанс... Надеюсь, ты меня понимаешь...

Он выключил телефон и вернулся в кабинет. Гроб уже накрыли крышкой, и кортеж двинулся к выходу.

— Вы идете? — спросил его Бонетти-Альдериги.

— Ну конечно, — ответил он.

Но едва они вышли во двор, как один из тех, кто нес гроб, споткнулся и упал, а гроб ударился о землю со страшным грохотом, от которого Монтальбано и проснулся.

Уснуть он уже не смог, и в голове роились нелепые мысли. Одна из них особенно досаждала. Когда Ливия сказала про шанс, интересно, что она имела в виду? Похоже, его смерть представлялась ей своего рода освобождением. Тогда напрашивался следующий вопрос: отражают ли подобные сны реальность? Ибо в таком случае реальность выглядела неприглядно.

Конечно, Ливия сыта по горло, если не по самую макушку, с этим не поспоришь. Но почему совесть просыпается в нем именно тогда, когда тело должно спать, лишая его сна и отдыха? Значит, решил он, Ливия не захотела приехать на его похороны по уважительной причине. И в реальности это не предвещало ничего хорошего.

Выйдя из дома, Монтальбано увидел, что море подступило к самой веранде, чего прежде никог-

да не случалось. Пляжа не было, сплошная толща воды.

Минут пятнадцать отборных ругательств, и проклятый мотор наконец завелся. Комиссар и без того был взвинчен, а тут еще это.

Но, проехав метров сто, пришлось остановиться: пробка тянулась насколько хватало глаз, точнее, насколько можно было видеть в лобовое стекло, заливаемое потоками воды, при мельтешении бесполезных дворников.

Любопытно, что все машины, направлявшиеся в Вигату, покорно стояли друг за другом, ехать по встрече никто не отважился.

Минут через десять Монтальбано решил выбраться из пробки, свернув на Монтереале. Та дорога, конечно, длиннее, зато у него добавится шансов вовремя поспеть в комиссариат.

Однако выбраться было невозможно: машина уткнулась носом в капот переднего автомобиля, а в его капот уперлась та, что следовала за ним.

Ничего не попишешь, он заперт. А главное — и это раздражало больше всего — непонятно почему.

Минут через двадцать Монтальбано, потеряв терпение, открыл дверцу машины и решительным шагом двинулся вперед. Ливень был такой, что света белого не видно. Оказалось, затор произошел оттого, что дорога просто кончилась — дальше начиналось море. Там, где по идее была земная твердь, пенилась грязно-коричневая вода. На краю водной пучины, у самой воды, стояла машина, которую вот-вот должна была поглотить бездна. Оценив обстановку, комиссар пришел к выводу, что дела у сидевших в машине плохи. Рассмотреть их мешала стена дождя.

Монтальбано постучал в окно. Стекло опустилось, и показалось испуганное лицо — девушка лет тридцати в очках с толстыми, как бутылочное дно, стеклами.

Кроме нее в машине никого не было.

— Выходите.

— Зачем?

— Боюсь, если помощь не подоспеет, вашу машину затопит.

Рот у нее искривился, как у ребенка, который вот-вот заплачет.

— Куда же мне деваться?

— Заберите все необходимое и идемте в мою машину.

Девушка молча смотрела на него. Не доверяет незнакомцам, это понятно.

— Можете не беспокоиться, я комиссар полиции.

Вероятно, он сказал это таким убедительным тоном, что она послушалась. Подхватила какой-то пакет и вышла.

Пока бежали к машине, она тоже промокла до нитки. Девушка села рядом с водительским сиденьем, и он наконец представился:

— Комиссар Монтальбано.

Она внимательно взгляделась в его лицо:

— Точно! Теперь узнала. Я видела вас по телевизору.

Она тут же принялась чихать, и чихала так долго и обстоятельно, что заслезились глаза. Сняла очки, протерла, снова водрузила на нос.

— Меня зовут Ванесса. Ванесса Диджулио.

— Похоже, вы простудились.

— Ничего удивительного!

— Может, заедем ко мне? Переоденетесь, высушитесь.

— Не думаю, что это удобно... — робко возразила она.

— Удобно что?

— Ехать к вам.

Что она себе вообразила? Что он набросится на нее, не успев войти в дом? Он производит впечатление горячего парня? И вообще, она себя в зеркало видела?

— Ну, если вы...

— А как мы доберемся до вашего дома?

— Пешком. Тут метров сто, не больше. Похоже, мы застряли всерьез и надолго.

Переодевшись, Монтальбано сварил кофе — с молоком для девушки и большую чашку себе. Ванесса тем временем приняла душ и переоделась в платье Ливии, сидевшее на ней мешком. По пути на кухню она умудрилась задеть сначала дверной косяк, потом стул. Интересно, как она получила права с таким-то зрением? Смешная, даже нелепая. Монтальбано обратил внимание, что у нее кривые мускулистые ноги — в джинсах было незаметно, а сейчас, в платье Ливии — да. Мужские

ноги, не женские. Мышиное личико, угловатая походка, и титек почти нет.

— Где ваша одежда?

— Я повесила ее на радиатор — джинсы, рубашку и куртку.

Она села, Монтальбано налил ей кофе с молоком и предложил печенье, которое Аделина всегда покупала, а он никогда не ел.

— Извините, — сказал он, выпив первую чашку кофе, — мне надо позвонить.

— Ох, комиссар! Тут такое!

— Что случилось, Катарелла?

— Светопреставление! Форменное светопреставление!

— Да в чем дело?

— Ураган сорвал с крыши черепицу, и вода залила кабинет, ваш кабинет!

— Ну и что, большой урон?

— Не то слово! То есть бумаги, что вам на подпись лежали, так намокли — прямо сплошное месиво, ни на что уж не пригодны!

Долой бюрократию! Ликующая песнь торжественно зазвучала в душе Монтальбано.

— Слушай, Катарелла, я дома, дорогу размыло.
— То есть, я правильно понял, вы не в состоянии...
— Разве что Галло придумает, как меня отсюда забрать...

— Подождите, я позову, он здесь, рядом.
— Слушаю вас, комиссар.
— Привет, Галло. Я ехал на работу, но метрах в ста от дома встал в пробку — дорогу размыло, сильный шторм. Машину оставил там, поэтому я без колес. Если придумаешь, как...

Галло не дал ему закончить:

— Максимум через полчаса я у вас.
Монтальбано вернулся на кухню, сел и закурил.
— Вы курите?
— Да, но мои сигареты намокли.
— Возьмите мои.
Она взяла сигарету и прикурила.
— Мне неловко, что пришлось вас побеспокоить...
— Да ладно вам! Через полчаса за мной заедут.
Вам же в Вигату?

— Да. В десять надо быть в порту, я еду из Палермо. Встречаю тетю. Но в такую погоду... дай бог, если им удастся к вечеру причалить.

— Кажется, в десять утра ни почтовых, ни паромов нет.

— Ну да, тетья приплывает на своем судне.

При слове «судно» он невольно поморщился. Все так сейчас говорят: «Пойдем, посмотришь мою посудину» — и демонстрируют тебе круизный лайнер.

— Весельном? — спросил он с самым невинным видом.

Но девушка на шутку не отреагировала.

— У нее яхта, с капитаном и четырьмя матросами. Она любит путешествовать. Одна. Мы очень давно не виделись.

— И куда же она направляется?

— Никуда.

— Не понял.

— Тетья обожает море. Может себе позволить, денег ей хватает. После смерти дяди Артуро ей досталось большое наследство и слуга, тунисец Зизи.

— Значит, тетья решила купить себе яхту?

— Нет. Яхта осталась после дяди Артуро, он часто ходил в море. У него было огромное состояние. Откуда — никто не знает, говорили, что он

компаньон какого-то банкира, кажется, его фамилия Рикка.

— А вы, простите, чем занимаетесь?

— Я?

Девушка на минутку задумалась. Как будто выбирала из большого количества своих занятий одно, попроще.

— Учусь.

За эти полчаса Монтальбано выяснил, что Ванесса сирота, живет в Палермо, изучает архитектуру, жениха нет. Она понимает, что не красotka, хотя очень надеется устроить свою личную жизнь, любит читать и слушать музыку, не выносит духи и запахи вообще, живет в собственной квартире с котом по имени Элевтерий и предпочитает ходить в кино, а не смотреть телевизор. Тут она резко остановилась, посмотрела на комиссара и вдруг сказала как отрезала:

— Спасибо.

— За что?

— За то, что выслушали. Знаете, нечасто бывает, чтобы мужчина слушал меня так долго.